

Я на той остановке

Оксана Савье

Оксана Савье

Я на той остановке

«Литнет»

2026

Савье О.

Я на той остановке / О. Савье — «Литнет», 2026

Иногда нужно улететь за полмира, чтобы увидеть того, кто всё это время был рядом.

© Савье О., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Глава 1

Милана открыла холодильник и долго смотрела внутрь, не понимая зачем. Там стояла початая банка маринованных огурцов, кусок сыра в плёнке и три яйца. Она закрыла холодильник. Потом открыла снова. Потом закрыла.

За окном шёл снег, мокрый, февральский, тот что не радует и не пугает.

Она взяла телефон и открыла инстаграм.

Ава Лайн выложила новое видео. Милана нажала не читая, на экране поплыли кадры: раннее утро, мягкий розовый свет, чашка кофе на деревянном столике у открытого окна. За окном зелень, где-то далеко пальмы, влажный воздух который Милана почти чувствовала через экран. Ава шла по узкой улочке в лёгком платье, босоножки щёлкали по камням, смеялась чему-то за кадром. Потом сидела на мотоцикле, волосы назад, глаза закрыты, лицо к солнцу.

Милана смотрела молча.

За стеной у соседей орал телевизор. Батарея под окном стучала как всегда, три удара, пауза, два удара, пауза. Милана знала этот ритм наизусть, он снился ей иногда.

Она дочитала подпись под видео. *«Ещё один идеальный день. Просытаюсь и не могу поверить что это моя жизнь. Три года назад я стояла на остановке в Екатеринбурге и плакала потому что опоздала на автобус и вся жизнь казалась мне тупиком. Сейчас я не помню того человека. Если ты сейчас на той остановке — напиши мне. Я отвечу».*

Милана написала: *«Я на той остановке».*

Потом удалила.

Потом написала снова и отправила не думая.

Телефон зазвонил в половину восьмого. Артём.

— Привет. Ты поела?

— Да, — сказала Милана. Она не поела.

— Я сегодня задержусь, смена до десяти. Потом заеду?

— Не надо, я лягу рано.

Пауза. Она слышала как он дышит, как там у него на заднем фоне гудит что-то металлическое.

— Ты опять сидишь в телефоне? — спросил он без осуждения.

— Нет. Читаю.

— Окей. Тогда спокойной ночи заранее. Люблю тебя.

— И я.

Она положила трубку и открыла инстаграм.

На следующий день в агентстве Геннадий Палыч прислал голосовое сообщение на семь минут четырнадцать секунд.

Милана открыла его в начале рабочего дня, поставила наушники, начала слушать. Клиент, автомойка в Северном районе, хотел изменить цветовую схему баннера. Логотип который она делала три недели и который клиент уже одобрил теперь был «не то». Почему не то объяснялось долго, невнятно, с отступлениями про племянника который «разбирается в дизайне» и сказал что «что-то не так». Что именно, неясно. В конце клиент добавил что хочет «что-то посовременнее» и «ну вы же специалисты, сами придумайте».

Семь минут четырнадцать секунд.

Милана сняла наушники.

Сидела и смотрела в монитор, в тот самый логотип. Синяя волна, белые буквы, чисто, профессионально. Хороший логотип для автомойки.

Племянник сказал что что-то не так.

Рядом за соседним столом сидел Дима, второй дизайнер агентства, работал здесь дольше Миланы.

— Слышал? — сказала она.

— Слышал краем. Автомойка?

— Да.

— Они каждый раз так. — Дима не оторвался от монитора. — Месяц назад я им переделывал визитки четыре раза. В конце вернулись к первому варианту.

— И что ты делал?

— Переделывал. — Он пожал плечами. — Геннадий Палыч говорит: клиент всегда прав.

— Клиент не разбирается в дизайне.

— Это не наша проблема. — Дима наконец посмотрел на неё. — Миль, не парься. Им всё равно. Им просто надо чтобы была какая-то картинка. Красивая, некрасивая, они не отличат. Главное, чтобы процесс был.

— Процесс?

— Ну. Чтобы ты переделывала, они смотрели, говорили «нет не то», ты снова переделывала. Им важен процесс участия. Ощущение что они управляют.

Он сказал это без цинизма, как человек который давно принял факт и перестал с ним спорить.

Милана открыла программу и начала переделывать.

Работала час. Сделала три варианта, один ближе к исходному, два принципиально другие. Отправила клиенту.

Ответ пришёл через двадцать минут: *«Хм. Надо подумать. Покажу племяннику».*

Дима посмотрел на её экран через плечо.

— Племянник не одобрит. Завтра снова переделывать.

Милана закрыла программу и открыла инстаграм.

Ава Лайн выложила сторис: кафе, за окном пальмы, кофе с молочной пенкой. *«Работаю из любимого места. Жизнь хороша».*

Милана смотрела на это кафе. На эти пальмы.

Потом закрыла телефон и открыла бриф на следующий проект, сайт для стоматологии. Клиент прислал референсы: три скриншота из нулевых с объёмными кнопками и анимированными зубами.

За окном агентства мёл февральский снег.

Ава Лайн появилась в её жизни в июне, случайно. Милана искала референсы для логотипа, заказ был маленький, бюджет копейки, клиент прислал голосовое на шесть минут с объяснениями, и алгоритм подкинул рилс. Девушка показывала свой рабочий стол на Бали: ноутбук, свежий сок, вид на рисовые поля. *«Дизайнер, работаю откуда хочу, зарабатываю в пять раз больше чем в России».*

Милана посмотрела три раза. Подписалась.

Потом смотрела как Ава переехала два года назад. Как первый месяц было страшно. Как снимала комнату у местных, сэкономила, брала заказы с международных бирж. Как постепенно сложилось, аудитория, клиенты, спокойная жизнь без суеты и без ощущения что бежишь на месте.

Бежишь на месте, это была формулировка Авы, но Милана сразу присвоила её себе, потому что точнее не скажешь.

Она работала в небольшом агентстве. Три дизайнера, директор Геннадий Палыч который считал что логотип за пять тысяч это уже дорого, клиенты: местные магазины, пара стомато-

логий, строительный магазин. Милана делала макеты, исправляла по семь раз, улыбалась на планёрках. Зарплата сорок две тысячи, из них двенадцать уходило за съём комнаты у хозяйки Зинаиды Ивановны которая заходила без стука и однажды переставила Миланины вещи на полке потому что *«так красивее»*.

Ей было двадцать пять лет. По ощущениям сорок.

В марте Артём сказал что нашёл вариант.

Они сидели на кухне у его мамы, ели борщ, за окном таял снег. Артём достал телефон, показал объявление.

— Одношка на Лесной. Сорок два метра. Хозяева продают, ипотека выйдет тридцать восемь тысяч в месяц.

Милана посмотрела на фотографии. Светлая кухня, новый ламинат, окна во двор.

— Тридцать восемь, — повторила она.

— Ну, у меня сейчас шестьдесят выходит со сверхурочными. Ты сорок две. Итого сто два. Минус ипотека, шестьдесят четыре на жизнь. Нормально.

— А если я потеряю работу?

— Не потеряешь.

— А если ты?

Он посмотрел на неё спокойно.

— Миль, ну не потеряем. Мы оба нормально работаем. Да и если потеряем — найдем другую.

Она смотрела на фотографию кухни. Светлая, аккуратная. Наверное там тоже будет стучать батарея.

— Там восемнадцать процентов, — сказала она.

— Ну да.

— Это на двадцать пять лет.

— Можно досрочно гасить.

— Артём. Двадцать пять лет.

Он отложил телефон. Мама у плиты перестала греметь кастрюлей.

— Есть другой вариант. Бабуля говорила что готова нам отдать свою. Пока живёт у тёти Гали. Там ремонт старый, но жить можно.

Милана вспомнила бабулину квартиру. Зелёные обои в цветочек. Ковёр на стене. Запах нафталина.

— Или, — продолжал Артём, в голосе появилась осторожность, — если родим, семейная ипотека. Шесть процентов.

Мама у плиты снова загремела кастрюлей.

Милана допила чай.

— Мне надо подумать, — сказала она.

Той ночью она лежала в своей комнате у Зинаиды Ивановны, смотрела в потолок и слушала батарею. Три удара. Пауза. Два удара.

Открыла телефон.

Ава Лайн выложила сторис. Вид с террасы, закат, стакан чего-то холодного. Подпись: *«Сегодня закончила большой проект, клиент из Германии. Перевела на карту, купила себе серьги которые давно хотела. Никого не спрашивала. Просто купила».*

Милана смотрела на этот закат долго.

Потом нашла в шапке профиля ссылку. *«Курс: Переезд на Бали. Как я это сделала и как сделаешь ты».* Сорок две тысячи рублей, ровно её месячная зарплата.

Закрыла. Открыла снова. Закрыла.

Уснула только в два ночи.

А утром, пока Зинаида Ивановна гремела на кухне, Милана открыла приложение банка и оформила кредит. Сто тысяч рублей. Одобрili за четыре минуты.

Сорок две она перевела за курс сразу, не давая себе думать. Остальные пятьдесят восемь легли на карту как обещание которое она дала себе и никому больше.

Артёму она ничего не сказала.

На следующий день в агентстве пришёл ответ от клиента автомойки.

Племянник посмотрел. Сказал что хочет «что-то с огоньком».

Дима проходил мимо её стола, увидел переписку.

— Говорил же. Не парься.

Милана открыла программу и начала рисовать огонёк.

Глава 2

Курс начинался в понедельник.

Милана открыла доступ в воскресенье вечером, просто посмотреть что внутри, и не закрывала до часа ночи.

Платформа была красивая. Тёплые бежевые тона, фотографии Бали между модулями, шрифт такой что хотелось читать медленно. Первый урок назывался *«Почему ты до сих пор не уехала — и это не про деньги»*. Милана слушала голос Авы в наушниках, лёжа на боку, укрывшись одеялом до подбородка.

Голос был мягкий, чуть хриловатый, как будто Ава только что проснулась.

«Главная причина не деньги и не язык. Главная причина — ты не веришь что это возможно для тебя. Для других — возможно. Для девочки из Москвы с нужными связями — возможно. Для той что уже знает английский — возможно. Но не для тебя. Потому что ты из маленького города, потому что у тебя нет стартового капитала, потому что рядом люди которые скажут что ты с ума сошла. Я знаю это чувство. Я жила в нём двадцать восемь лет».

Милана вытащила наушник. Потом вставила обратно.

«Я не буду говорить тебе что будет легко. Первые месяцы страшно. Но страшно и оставаться тоже. Просто этот страх привычный, и ты его не замечаешь».

За стеной у Зинаиды Ивановны бормотал телевизор. Батарея стучала.

Милана нажала следующий урок.

Второй модуль назывался *«Финансы: сколько реально нужно и откуда это взять»*.

Ава раскладывала цифры спокойно, без паники. Аренда от двухсот долларов за комнату у местных, можно найти за сто пятьдесят если знать где искать. Еда дешевле чем в России если не ходить в туристические места. Транспорт: скутер в аренду, копейки. Первые три месяца — период адаптации, лучше иметь подушку. Потом работа, клиенты, фриланс.

«Многие думают что нужны миллионы. Нет. Нужна смелость и план».

Милана открыла заметки в телефоне и начала планировать бюджет. Она прикинула стоимость перелета и аренды жилья на несколько месяцев. К этой сумме добавились расходы на еду и транспорт, которые тоже набегают за всё время пребывания. В итоге получилась внушительная сумма.

У неё на карте было пятьдесят восемь тысяч из кредита. Плюс накопления — восемьдесят. Итого сто тридцать восемь.

Не хватало.

Она закрыла заметки, открыла снова, как будто цифры могли измениться.

Потом написала Артёму: *«Не спишь?»*

Он ответил через минуту: *«Нет, смотрю кино. Всё хорошо?»*

«Да. Просто так».

«Ок. Завтра заеду в обед, ты же дома?»

«Угу».

Она убрала телефон и продолжила слушать курс.

К пятому уроку Милана знала наизусть весь маршрут Авы. Екатеринбург, работа менеджером в торговом центре, хотя прежде успела окончить профильные курсы и поработать дизайнером в небольшой частной компании, парень который говорил что она слишком много хочет от жизни, однушка которую снимали пополам с подругой, кредит на телефон, усталость которая не проходит после выходных.

Потом решение. Один разговор с самой собой в три часа ночи. Билет куплен через неделю.

«Я не ждала подходящего момента. Подходящего момента нет. Есть только момент когда ты решаешь».

Милана переслушала этот кусок три раза.

В её жизни тоже был парень который говорил что она слишком много хочет. Он не говорил этого прямо — Артём вообще не говорил плохого прямо. Он говорил *«нормально»*, *«все так живут»*, *«не придумывай»*. Это другое. Но иногда казалось что не очень.

Она поймала эту мысль и немного устыдилась.

Артём был хорошим. Очень хорошим. Просто он не понимал.

Чат курса открылся на третий день.

Там было сто восемьдесят четыре человека. Милана листала сообщения молча, не представляясь, читала чужие истории. Женщина из Новосибирска, тридцать два года, бухгалтер, муж против но она всё равно купила курс. Девочка из Казани, двадцать лет, только закончила колледж, родители не знают. Кто-то из Питера писал что уже на Бали, вышел на третий поток, теперь помогает новичкам. Кто-то спрашивал про визу, кто-то про банковские карты, кто-то просто писал *«девочки я так боюсь»* и получал в ответ волну сердечек.

Потом написала: *«Привет всем. Я Милана, дизайнер, из небольшого города в Сибири. Только начала первый модуль. Пока страшно но интересно».*

Ответили сразу несколько человек. Сердечки, огонёчки, *«добро пожаловать»*, *«мы все так начинали»*.

А потом отдельным сообщением, синяя галочка, аватарка которую Милана узнала бы из тысячи:

«Милана, привет! Дизайнеры у нас самые востребованные, не бойся. Ты уже сделала самое сложное — решилась».

Ава Лайн. Лично.

Милана перечитала три раза. Сделала скриншот, почувствовала себя немного глупо и всё равно не удалила.

Следующие две недели она жила в режиме который сама себе не могла объяснить.

Днём работа. Геннадий Палыч прислал новый проект, сайт для магазина, пять страниц пожеланий голосовыми. Милана слушала, кивала, делала макет, переделывала. Всё как обычно. Но теперь за этим обычным было что-то ещё — ощущение что она здесь временно, что этот стол, этот монитор уже не совсем её. Только кружка с надписью *«Каждый день чуть лучше»* — которую она купила в надежде, что так и будет, перестала быть укором. Она стала новым началом.

Вечером курс. Она прошла все восемь модулей за десять дней, потом начала сначала, записывала в тетрадь, составляла таблицы. Бали делился на районы: Чангу для молодых и творческих, Убуд для тех кто ищет себя, Семиньяк для тех у кого есть деньги. Милана выбрала Чангу. Там жила Ава.

Изучала карту как будто уже знала эти улицы. Варунг где едят местные. Коворкинги. Пляж Берава на закате. Рисовые поля в пятнадцати минутах на скутере.

По ночам смотрела видео других девочек из чата. Те что уже уехали снимали влоги, показывали свои комнаты, свои завтраки, свои рабочие места у окна. Всё выглядело достижимым.

Артём заметил что-то в конце второй недели.

Они лежали у него дома, смотрели сериал, Милана держала телефон горизонтально чтобы он не видел экран. Читала очередную ветку обсуждений в чате, девочки спорили про лучший банк для переводов за границу.

— Миль, — сказал он.

— М?

— Ты вообще смотришь?

— Смотрю.

— Что сейчас происходит в сериале?

Она посмотрела на экран телевизора. Там двое разговаривали на кухне.

— Они разговаривают.

Артём хмыкнул.

— Ты последнее время какая-то не здесь.

— Устала на работе.

— Может в отпуск? Давно не ездили никуда.

— Может.

Он замолчал. Она придвинулась ближе, положила голову на плечо. Он обнял её, они досмотрели серию.

Деньги по-прежнему не сходились.

Она открывала таблицу каждый день, утром с кофе, вечером перед сном. Смотрела на одни и те же цифры. Сто тридцать восемь тысяч против двухсот двадцати которые нужны. Разрыв в восемьдесят две тысячи.

Думала об этом три дня. Потом придумала.

Артём копил на машину, говорил об этом иногда. У него было отложено тысяч сто пятьдесят. Если попросить тридцать — он не обеднеет.

Оставалось придумать что сказать.

В субботу они поехали за продуктами. Его машина, его маршрут, она сидела на пассажирском месте и смотрела в окно.

Репетировала.

«Артём, мне нужна помощь. Я хочу пройти один курс — зарубежный, по дизайну, там международные клиенты, это даст мне выход на другой рынок. Стоит сорок тысяч. Я уже взяла кредит на большую часть, но не хватает ещё тридцать. Можешь одолжить? Верну через два месяца».

Зарубежный курс. По дизайну. Международные клиенты. Всё это было правдой, частично. Курс был. Ава жила за границей. Дизайнер же.

Просто не вся правда.

Артём вёл машину молча, слушал что-то тихое. Она смотрела на его руки на руле. Большие, спокойные. Шрам на указательном пальце левой.

— Артём.

— М.

— Можно спросить кое-что?

— Спрашивай.

Она смотрела на дорогу, на красный светофор впереди.

— Я планирую пройти один крутой зарубежный курс по дизайну, который дает выход на международный рынок. Обучение стоит приличную сумму, и мне не хватает буквально нескольких десятков тысяч. Можешь одолжить? Обязательно верну всё через пару месяцев.

Светофор стал зелёным.

Артём тронулся. Молчал секунду.

— Сколько?

— Тридцать.

— Когда нужно?

— Не срочно. На этой неделе.

Он снова замолчал. Она ждала вопросов, уточнений, *«а зачем тебе международные клиенты если здесь работы хватает»*. Ничего.

Достал телефон на ближайшей остановке, открыл приложение.

— Карта та же?

— Та же.

Уведомление пришло через тридцать секунд. Тридцать тысяч рублей.

— Вкладывать в себя, в свое развитие — это самое лучшее решение, — сказал он. Убрал телефон. Взялся за руль.

Она смотрела на уведомление.

Он верил ей. Просто верил, без проверки, без сомнения. Потому что она сказала.

И она солгала.

Она убрала телефон в карман и смотрела на дорогу.

— Спасибо, — сказала она.

— Не за что.

Они припарковались у магазина. Он взял тележку, она пошла рядом. Молоко, хлеб, что-то на ужин. Он выбирал сыр, долго читал состав. А она стояла рядом с этой ложью, и стыд жег щеки так сильно, что она не могла поднять глаза, потому что понимала — правда все равно когда-нибудь выйдет наружу. Милана положила в тележку йогурт и пошла дальше.

Дома она открыла авиасайт, купила билет на апрель, восьмое число. Семь недель.

В чате написала: *«Купила билет. Апрель. Летим».*

Ответили тридцать семь человек.

И среди них снова синяя галочка: *«Вот это да! Милана, горжусь. Напиши мне в личку, расскажи детали, помогу с жильём».*

Милана написала в личку, коротко, немного официально, как пишут когда хотят произвести впечатление и стараются это скрыть.

Ава ответила через час, тепло, конкретно, дала контакт девочки которая сдаёт комнату в Чангу. *«Скажи что от меня, сделает нормальную цену».*

Милана лежала в темноте.

За окном шумел обычный городской вечер — машины, голоса, чьи-то шаги . Батарея молчала, первый раз за несколько недель.

Или она просто перестала её слышать.

Глава 3

Семь недель — это много и мало одновременно.

Много, потому что каждый день на работе, каждый вечер у Зинаиды Ивановны, каждый звонок Артёма был теперь окрашен ожиданием. Мало, потому что надо было успеть всё.

Милана составила список в заметках и возвращалась к нему по несколько раз в день. Загранпаспорт, был, до двадцать восьмого года. Страховка, нашла на агрегаторе, три месяца, четыре тысячи рублей. Международные карты, открыла в двух банках, читала в чате что лучше иметь запас. Вещи, написала отдельный список, потом сократила вдвое, потом снова добавила, потом посмотрела видео Авы *«что я беру на Бали»* и переписала с нуля.

Девочка с комнатой в Чангу написала сама, Ава видимо предупредила. Звали Рита, жила на Бали уже давно. Комната в доме с садом, общая кухня с двумя другими жильцами, пятнадцать минут до пляжа на скутере. Тридцать тысяч рублей в месяц, специальная цена для своих.

Милана посчитала. Три месяца, девяносто тысяч только за комнату. Плюс еда, скутер, всякое разное.

Открыла таблицу. Пятьдесят восемь из кредита, восемьдесят накоплений, тридцать от Артёма. Итого сто шестьдесят восемь. Осталось сорок тысяч.

На три месяца жизни.

Что-то сжалось в животе. Она закрыла таблицу. Там же работа будет. Клиенты, фриланс, Ава говорила что дизайнеры самые востребованные. Надо просто начать.

Открыла биржи, заполнила профили, загрузила портфолио. Написала в чат курса про первые заказы.

Ответили несколько человек. Советы расходились. Одна нашла через три недели, другая через четыре месяца, третья сказала что сайт на котором она зарегистрировалась вообще мёртвый для дизайнеров. Четвёртая посоветовала малоизвестный сайт. Пятая нашла клиентов через Instagram.

Милана закрыла чат.

Лена сидела напротив неё в агентстве уже четыре года.

Они были не особенно близки, Лена занималась текстами, Милана дизайном, пересекались на планёрках и иногда пили кофе вместе. Лена была старше лет на десять, немного усталая, немного циничная, как бывают люди которые долго работают не там где хотели.

В один из последних дней марта она поймала Милану в коридоре.

— Слышала что ты уходишь?

— Откуда знаешь?

— Геннадий Палыч сказал. Заявление на отпуск без содержания. — Лена смотрела изучающе. — Бали?

Милана помолчала.

— Откуда?

— Ты в телефон смотришь так как смотрят люди которые собираются уехать. Плюс слышала как ты в туалете говорила про Чангу.

— Это не тайна.

— Не тайна. — Лена прислонилась к стене. — Через Аву Лайн?

— Ты знаешь её?

— Знаю. У меня сестра через неё поехала. Пару лет назад. — Без особой интонации, факт. — Четыре месяца продержалась. Вернулась с долгом сто двадцать тысяч и без клиентов.

— Это её опыт. У всех по-разному.

— Конечно. — Лена не спорила. — Я просто говорю. Курс у Авы хорош для вдохновения. Конкретики там мало. Сестра говорит — три модуля прошла и всё время казалось что вот-вот что-то конкретное скажут. Не сказали.

— Может она не так применяла.

— Может. — Лена смотрела спокойно. — Послушай, Милана. Я не отговариваю. Если хочешь ехать — езжай. Просто деньги есть нормальные?

— Есть.

— Хорошо. Удачи тебе.

Она пошла по коридору.

Милана смотрела ей вслед.

Сто двадцать тысяч долга. Четыре месяца. Без клиентов.

Вернулась к столу, открыла ноутбук. Там же работа будет. Ава говорила. Дизайнеры востребованы. Начала писать первое сопроводительное письмо на биржу.

В середине марта позвонила мама.

— Ты чего не звонишь?

— Звонила на той неделе.

— На той неделе это давно. Как ты?

— Нормально. Работаю.

Мама помолчала тем особым молчанием перед важным вопросом.

— Артём говорит ты задумчивая какая-то.

— Он тебе звонит?

— Иногда. Он хороший мальчик. Ты его не обижай.

— Мам.

— Что мам. Хорошие мальчики не на каждом углу.

Милана смотрела в окно. Март был серым и усталым, снег уже грязный, до зелени ещё далеко.

— Мам, ты когда-нибудь хотела уехать куда-нибудь? Совсем?

— Куда это — совсем?

— Взять и уехать. Попробовать по-другому.

— Милана, у меня дом, огород, кот.

— Я не про огород. Хотела когда-нибудь?

Мама думала секунды три.

— В молодости всякое думалось. Потом жизнь началась и думать стало некогда. — Помолчала. — Ты чего-то задумала?

— Нет. Просто спрашиваю.

— Не ври маме.

— Мам, всё хорошо. Правда.

После звонка Милана открыла инстаграм. Ава выложила новое видео, сидела на мотоцикле на фоне заката, смеялась.

«Три года назад я боялась спросить у начальника отгул. Теперь у меня нет начальника».

Милана поставила лайк.

За две недели до отъезда она сказала Артёму.

Они шли после кино, мартовская слякоть под ногами. Артём держал её руку в кармане своей куртки, он всегда так делал когда холодно.

— Мне надо тебе кое-что сказать.

Он не остановился, шёл ровно. Только рука чуть сжалась.

— Говори.

— Я уезжаю. На три месяца. На Бали.

Несколько секунд он не отвечал. Прошли мимо магазина, мимо аптеки, мимо женщины с собакой.

— Когда?

— Восьмого апреля.

— Это через две недели.

— Да.

Он остановился. Посмотрел на неё внимательно, как смотрят когда стараются правильно понять.

— Это из-за той блогерши которую ты смотришь?

Милана не ожидала что он знает про блогершу. Она никогда не рассказывала.

— Я просто хочу попробовать. Поработать оттуда. Там дешевле жить, клиенты международные—

— Миль.

— Что?

— Я не спрашиваю зачем. Ты уже решила?

— Да.

Он кивнул.

— Билет купила?

— Да.

— Давно?

— Месяц назад.

Он снова кивнул. Она ждала злости, обиды, вопросов. Он спросил одно:

— Деньги есть?

И она поняла что сейчас надо сказать правду. Про кредит, про его тридцать тысяч, про сорок тысяч на три месяца.

— Есть. Накопила.

Он посмотрел на неё ещё секунду.

— Окей. — Взял её руку обратно в карман. — Тогда идём, холодно.

Они пошли дальше. Под ногами хлюпало. За крышами начинались звёзды.

Облегчения не было. Было что-то липкое, как будто поставила подпись под документом не прочитав.

Последние дни перед отъездом были странными.

На работе Геннадий Палыч дал новый проект и попросил сдать через месяц. Милана напомнила про отпуск. Он поджал губы и коротко дал понять, что работа должна быть сдана до отпуска любым .

В коридоре столкнулась с Леной.

— Уходишь?

— Да.

Лена смотрела секунду.

— Слушай. Сестра говорит что одна девочка из её потока через Аву нашла нормальных клиентов. За два месяца. По-разному бывает.

— Знаю, — сказала Милана.

— Ну. Удачи тебе.

Она пошла дальше.

Милана вернулась к столу. Сдала проект. Попрощалась с Димой, он сказал *не парься там, загорай*. Зашла к Геннадию Палычу.

Зинаиде Ивановне сказала что уезжает и комнату не оставляет. Та поджала губы, сказала что есть желающие и пусть освобождает к пятому. Милана освободила к четвёртому. Чемоданы к маме, мама приехала на машине соседа, молча загрузила, молча обняла.

— Звони, — сказала мама.

— Буду.

— Каждый день.

— Мам.

— Хорошо, через день. Но звони.

Последний вечер у Артёма. Они не говорили про Бали. Смотрели сериал, ели пельмени, он починил молнию на чемодане. Перед сном она слушала как он дышит рядом, ровно, спокойно.

Сама не спала до трёх.

Сорок тысяч на три месяца. Невозможно. Значит работа найдётся. Ава права. Дизайнеры востребованы.

Сестра Лены вернулась с долгом сто двадцать тысяч. Четыре месяца.

У неё будет по-другому.

В три часа ночи написала Аве: *«Послезавтра лечу. Немного страшно».*

Ответ пришёл через четыре часа:

«Страшно — это естественно. Неизвестность всегда вызывает трепет. Но именно так и начинается что-то новое и важное. Жду тебя здесь».

Прочитала в пять утра.

Артём во сне обнял её, не просыпаясь. Она лежала и запоминала. Вес его руки. Запах. То как он дышит.

На всякий случай.

Глава 4

Конфликт случился не из-за большого.

Он случился из-за кружки.

Но до кружки было молчание.

Они сидели за завтраком, яичница, чай, всё как обычно. Артём ел молча. Милана ела молча. За окном серое воскресное утро.

Обычно молчание между ними было естественным, они умели молчать не заполняя паузы. Это молчание было другим — плотным, как будто в комнате был кто-то третий которого оба чувствовали и оба делали вид что не замечают.

Артём допил чай. Встал. Начал мыть посуду.

Она сидела и смотрела в свою кружку.

Артём мыл молча. Потом Милана заметила на полке кружку, которую она подарила ему на прошлый день рождения. Белая, с нарисованным медведем, она выбирала долго и радовалась что угадала. Ручка была отколота и склеена.

— Когда ты её разбил?

— Месяц назад. Склеил, нормально держится.

— Надо было выбросить, я бы новую купила.

— Зачем выбрасывать, склеилась же.

Она смотрела на эту кружку и не понимала почему портится настроение.

— Слушай, тридцать тысяч которые я взяла — когда тебе нужны обратно?

Он обернулся. Вытер руки.

— Не горит. Когда сможешь.

— Я верну через три месяца.

— Хорошо.

Он снова взялся за посуду. Она смотрела на его спину — широкую, в старой клетчатой рубашке, такой привычной что она её почти не видела обычно.

— Артём.

— М.

— Ты не злишься?

Он поставил кружку. Повернулся.

— На что?

— На то что я уезжаю.

Он подошёл, сел напротив, положил руки на стол — не беря её руку, просто рядом.

— Злиться не злюсь. Но не понимаю.

— Что не понимаешь?

— Что ты ищешь там.

— Я не ищу. Я хочу попробовать по-другому. Поработать с международными клиентами, посмотреть как там...

— Миль. Я не про работу.

Она замолчала.

— Ты последние месяцы как будто уже не здесь. Смотришь в телефон, думаешь о чём-то, разговариваешь но не слышишь. Я спрашиваю про квартиру — уходишь. Говорю про будущее — уходишь. Молчу — всё равно уходишь. Куда?

Милана смотрела на его руки. Большие, со следами работы, шрам на указательном пальце левой руки. Он порезался три года назад, порез был глубокий. В тот вечер на кухне они готовили вместе ужин: он резал овощи, она помешивала соус. В какой-то момент он ушел и вернулся с бинтом, и тогда она увидела кровь. Она помогла перевязать ему рану. Однако кровь долго не останавливалась, и в какой-то момент она даже испугалась. Когда-же наконец кровь остановилась, она облегченно вздохнула.

— Я не знаю как объяснить.

— Попробуй.

Она думала. Не про то что сказать чтобы он отстал — про то что правда.

— Ты когда-нибудь чувствовал что живёшь как надо, всё делаешь как надо, а внутри всё равно что-то не так? Как будто ты не там. Не в том месте.

Он слушал.

— Я смотрю на нас и вижу всё нужное. Ты хороший. Впереди ипотека, квартира, всё как у людей. И я знаю что это хорошо. Но мне от этого хочется плакать иногда. Без причины.

Артём молчал долго.

— Ты плакала?

— Иногда.

— Мне не говорила.

— Нет.

Он смотрел на неё. В лице было что-то что она не умела назвать — не обида, не злость. Что-то тише.

— И ты думаешь там не будет хотеться плакать?

— Не знаю. Может там буду плакать от другого. Артём, я не говорю что ты плохой. Ты хороший. Ты самый...

— Не надо, — сказал он. Не грубо. Просто остановил.

Она замолчала.

— Я понял. — Встал, отнёс кружку в раковину, постоял спиной. — Три месяца, да?

— Да.

— Ладно.

— Артём..

— Всё хорошо, Миль. — Обернулся. В лице было что-то закрытое, аккуратное, как дверь которую прикрыли но не заперли. — Езжай. Попробуй по-другому.

Она хотела сказать что-то важное. Что она вернётся. Что любит его. Что не знает что ищет но знает что он тут ни при чём. Но всё это было или неправдой или неточно.

Поэтому сказала:

— Спасибо что понимаешь.

Он кивнул.

Она почувствовала что это был неправильный ответ. Что надо было сказать другое. Но какое — не знала.

Он ушёл через двадцать минут. Куртка, ключи, тихо закрылась дверь.

Она сидела на кухне одна.

Смотрела на его кружку на полке. Белая, с медведем, склеенная ручка. Он мог выбросить. И не выбросил.

Взяла телефон. Набрала мамин номер.

Мама ответила после второго гудка.

— Милана? Всё хорошо?

— Да, мам. Просто так позвонила.

— Просто так. — В голосе была та особая интонация, знала что не просто так, но не давила. — Как ты?

— Нормально. У тебя как?

— У меня хорошо. Кот вчера мышь принёс, представляешь. Прямо на кухню.

— Живую?

— Живую. Я его прогнала. Он обиделся.

Милана засмеялась тихо, сама не ожидала.

— Мам.

— М.

— Ты помнишь как мы ездили к бабушке в деревню? Когда я маленькая была?

— Помню конечно. Тебе лет пять было. Ты всё хотела доить корову.

— А я плакала потом что не дали.

— Плакала. Громко. Ты такой и была: если чего хотела, то насмерть.

Милана смотрела в окно. За стеклом апрель, серый, нерешительный.

— Мам, ты скучаешь когда меня нет?

— Всегда скучаю. Ты же моя. — Просто, без надрыва. — А что случилось?

— Ничего. Просто хотела поговорить.

— Ну поговорим. Рассказывай.

И Милана рассказывала — про работу, про Диму и его *не парься*, про скамейку во дворе которую наконец починили. Всё что угодно кроме главного. Мама слушала, отвечала, смеялась в нужных местах.

Про Бали Милана не сказала ничего.

Просто слушала её голос. Держалась за него — пока всё вокруг было ненадёжным, мамин голос оставался одинаковым. Всегда тут.

Они говорили минут двадцать. Потом мама пошла кормить кота.

— Звони чаще, — сказала она.

— Буду. Обещаю.

Милана убрала телефон.

Встала. Пошла собирать вещи. Открыла чемодан. Смотрела на него.

Звонила не потому что соскучилась. Звонила чтобы убедиться что мама есть. Что останется. Что мамин голос когда она вернётся будет таким же.

Утром он повез её в аэропорт.

Она не просила. В шесть утра, небритый, в той же клетчатой рубашке. Помог затащить чемоданы, молча встал рядом в очереди на регистрацию.

Он всегда был таким — приезжал когда надо было приехать, делал когда надо было сделать, без слов и без того чтобы потом напоминать.

— Ты опоздаешь на работу, — сказала она.

— Знаю.

— Зачем?

— Проводить.

Она сдала чемоданы. Они стояли у входа в зону досмотра, людей вокруг было много.

— Артём, — начала она.

— Миль, — сказал он одновременно.

Помолчали. Потом он:

— Ты там — аккуратно. Ладно?

— Ладно.

— Если что-то пойдёт не так — сразу скажи.

— Скажу.

— Деньги если понадобятся

— Артём. — Она чувствовала что сейчас заплачет и не хотела этого в аэропорту. — Не надо.

Он кивнул. Обнял её крепко, не как прощаются когда всё в порядке.

Она уткнулась лицом в его рубашку. Запах — знакомый, такой что хотелось остаться. Просто остаться и никуда не лететь.

Но билет был куплен. Кредит был взят.

Она отступила.

— Я позвоню как прилечу.

— Хорошо.

— Спасибо что проводил.

Он смотрел на неё. В глазах было что-то спокойное и очень внимательное, как будто он запоминал.

— Езжай, — сказал он.

Она пошла к рамкам досмотра. Овернула один раз, он стоял там же, руки в карманах.

Подняла руку.

Он поднял в ответ.

Она прошла через рамку и не оборачивалась больше.

Самолёт вылетал в восемь сорок. Она сидела у окна, смотрела как серое апрельское небо светлеет на горизонте.

Открыла инстаграм. Ава выложила сторис ещё ночью, снимала что-то в темноте, огни города, тихая музыка. Никакой подписи.

Милана смотрела на эти огни.

Потом самолёт начал разгоняться, за окном помчалась полоса, земля ушла вниз. Город остался серым и маленьким, с дорогами как нитки.

Где-то там Артём ехал домой.

Где-то там мама пила утренний чай.

Где-то там Лена сидела на своём месте и читала чьё-то голосовое на семь минут.

Самолёт набирал высоту.

Милана закрыла глаза.

Хотела плакать. От усталости после насыщенного дня, от благодарности. Не от кружки со склеенной ручкой. Не от этого ощущения когда всё идёт как надо — а внутри всё равно что-то не так.

Самолёт вошёл в облака.

Она достала наушники, поставила плейлист который собирала две недели. Первая песня, лёгкая, тропическая, та что Ава включала в видео про утренние ритуалы. Но музыка не заглушает мысли о том, что ждет ее впереди. Она закрывает глаза надеясь, что хотя бы часть этих страхов рассыплется в воздухе, между небом и землей, но понимает — они приземлятся вместе с ней.

Глава 5

Пересадка была в Дубае.

Милана вышла из самолёта в три часа ночи по местному времени, в голове туман, ноги затекли, во рту привкус самолётного кофе который она выпила из вежливости и о котором пожалела. Аэропорт был огромным и холодным, кондиционеры работали так что хотелось достать кофту, но рюкзак набит плотно и она просто шла быстрее.

Дубайский аэропорт был отдельным миром, герметичным, существующим вне часовых поя

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.